

«Свете тихий» и музыка звучащей тишины

Смена. - С.-Пб. - 1994. - 25 мая. - с. 5.

ФЕСТИВАЛЬ

Композитор Александр Кнайфель — это имя известно петербургским меломанам, которые помнят успех оперы «Кентервильское привидение» по Оскару Уайльду, поставленной на сцене консерваторского театра около двадцати лет назад. С тех пор музыка Кнайфеля звучала нечасто, а если и исполнялась, то не столько в Филармонии, сколько в камерном, рассчитанном на элитарную публику зале Дома композиторов. Кнайфель оставался фигурой загадочной: доходили слухи об удачах его премьер за рубежом, о новых экспериментальных сочинениях. Познакомиться с творчеством композитора дал возможность авторский вечер в Малом зале Филармонии, проходивший в рамках «Музыкальной весны-94». «Сочинения последних лет» — так назывался концерт, посвященный 50-летию автора.

«В эфире чистом и незримом» (строфы Тютчева), «Свете тихий» (Песнь Пресвятой Богородицы), «Возношение» для хора струнных инструментов — композитор удивил своих слушателей несколько неожиданным обращением к религиозной теме, к музыке парящего духа, очищенного от всего земного и телесного, к отрешенно-возвышенным, холодновато-чистым краскам.

В полутемном зале, при потушенных огнях звучат тютчевские «строфы» — музыка тишины, поэзия невысказанного слова. Тонкие, изящные линии, приглушенные голоса фортепиано и струнных, игра оригинальными тембрами — эта музыка не властвует и не подчиняет себе, под нее «в каком-то забытом изнеможении» приятно грезить, хотя и мелькает в ней порой невыразимо печальная интонация. Погружение в мир остановившегося времени, пиа-но, пианиссимо... (Боже! Как шумит вентилятор в зале! И почему только раньше этого не было заметно? Впрочем, однообразное жужжание вентилятора хорошо дополняет про-

зрачную вязь голосов, создавая особый тембровый эффект).

Песнопение «Свете тихий» для сопрано (и вентилятора) в сопровождении магнитофонной записи — это тоже жизнь души, в дреме ли, мечтаньях или молитве освобождающейся от власти реального. Бесконечная мелодия — сольная или звучащая на фоне молящихся голосов — тиха и благодатна, но нет в ней ни радости приобщения к божеству, ни мольбы, ни очищения от страданий. Эмоционально сдержанная, но искренняя музыка о вере — «Свете тихий» — могла бы быть лучшим номером программы, если бы не была... второй и не устало б ухом от однотонности красок «строфы».

Но публику ждало еще и третье сочинение — оркестровое «Возношение», продолжающее стиль тютчевского цикла — произведение поистине «безразмерное»!

Рассказывают, что один известный английский дирижер, репетируя с Королевским филармоническим оркестром пьесу современного автора, неожиданно обнаружил, что музыканты остановились. На вопрос: «В чем дело, джентльмены?», он получил ответ: «Сэр Томас, сочинение окончилось». «Слава Богу», — вздохнул маэстро.

«Возношение», заметим, оканчивалось трижды. Три раза оркестр останавливал игру, и трижды — к удивлению слушателей — его руководитель дирижировал... тишиной. На сцене происходили захватывающие события: двое музыкантов пытались сыграть на одной виолончели, а скрипачи, переложив вдруг инструменты с левого плеча на правое, взяли смычок в левую руку... Их вступление прозвучало на редкость фальшиво — возможно, так и было задумано. Вполне вероятно, что это — музыка будущего, которую — по меткому выражению одного из музыкантов — нас почему-то заставляют слушать в настоящем.

Пока же заметим: музыка кентервильского привидения бывает иной раз полнокровнее музыки живых людей.

Ольга ГЛАДКОВА